

УДК 94(47)683:27(470.6)

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.12>П. Г. Немашкалов
Т. А. Шебзухова**ИСТОРИЯ ЧЕРНОМОРСКОЙ МАРИЕ-МАГДАЛИНСКОЙ ПУСТЫНИ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСТОЯТЕЛЬНИЦ**

На современном этапе развития исторической науки в России неизменным остается интерес к роли Церкви в жизни общества, большое внимание уделяется истории отдельных обителей и деятельности духовенства на поприще служения обществу, изучается их вклад в общественно-политическую и духовную жизнь страны. Интерес к истории монастырей обусловлен прежде всего тем, что на протяжении всей истории России, после принятия христианства, они выступали одним из важнейших социальных и политических институтов государства и общества.

В отечественной историографии редко встречаются исследования, посвященные инокиням монастырей, но встречающиеся обращения к инокиням знатного происхождения или настоятельницам древнейших женских монастырей. Сложившаяся ситуация объясняется состоянием источниковой базы и спецификой поднимаемой проблемы. Деятельность женщин в системе церковной организации Русской Православной Церкви скудно отражалась в каких-либо письменных источниках.

Поскольку ключевой фигурой обители считают личности настоятельниц, то при анализе истории Черноморской Марие-Магдалинской женской обители ос-

новное внимание в статье уделяется роли игумень в развитии монастырского хозяйства, благотворительной и просветительской деятельности. Исходя из этого, авторы статьи, на собранном обширном архивном материале и материале Кавказских епархиальных ведомостей, провели анализ вклада отдельно взятых настоятельниц в развитие Черноморской женской обители.

Авторами обосновывается вывод о том, что в отличие от известной закрытости традиционных русских православных монастырей Центральной России, кавказские женские монастыри даже в начале XX века оставались открытыми для мира, в чем заключалась большая заслуга их настоятельниц и епархиального руководства Кавказской (Ставропольской) епархии.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кавказская (Ставропольская) епархия, игуменьи Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни, женское монашество.

Для цитирования: Немашкалов П. Г., Шебзухова Т. А. История Черноморской Марие-Магдалинской Черноморской пустыни в деятельности настоятельниц // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). С. 462–471. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.12

Pavel G. Nemashkalov
Tatyana A. Shebzuhova**THE HISTORY OF THE BLACK SEA MARY MAGDALENE BLACK SEA DESERT
IN THE ACTIVITIES OF THE ABBESSES**

At the present stage of the development of historical science in Russia, the interest in the role of the Church in the life of society remains unchanged. Much attention is paid to the history of individual monasteries and the activities of the clergy in the field of public service; their contribution to socio-political and spiritual life of the country is studied. The interest in the history of monasteries is primarily due to the fact that throughout the history of Russia, after the adoption of Christianity, they acted as one of the most important social and political institutions of the state and society.

In Russian historiography, there are few studies devoted to the nuns of monasteries, but the existing ones are addressed to the nuns of noble origin or the abbesses of the oldest female monasteries. The current situation is explained by the state of the source base and the specifics of the problem being raised. The activities of women in the system of church organization of the Russian Orthodox Church were poorly reflected in any written sources.

Since the personalities of the abbesses are considered the key figure of the monastery, when analyzing the history of the Black Sea Mary Magdalene Convent, the article

focuses on the role of the abbesses in the development of the monastic economy, charitable and educational activities. Based on this, the authors of the article, based on the collected extensive archival material and the material of the Caucasian Diocesan Gazette, analyzed the contribution of individual abbesses to the development of the Black Sea Convent.

The authors substantiate the conclusion that unlike the well-known closeness of traditional Russian Orthodox monasteries in Central Russia, Caucasian monasteries remained open to the world even at the beginning of the XX century, which was a great merit of their abbesses and the diocesan leadership of the Caucasian (Stavropol) diocese.

Key words: North Caucasus, Caucasian (Stavropol) diocese, abbesses of the Black Sea Mary Magdalene female desert, female monasticism.

For citation: Nemashkalov P. G., Shebzuhova T. A. The history of the Black Sea Mary Magdalene Black Sea desert in the activities of the abbesses // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 462–471. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.12

Основанный в 1849 г. на территории Черноморского войска (Кубанской области) первый женский монастырь Кавказской епархии занял ведущее место в общественной и духовной жизни не только Черномории, но и всего Северного Кавказа. Открытие его состоялось при деятельном участии монахини Митрофании, ставшей в последующем его первой настоятельницей, и только по воле случая или стечения обстоятельств.

В миру Матрона Степановна Золотаревская получила хорошее домашнее образование, была дочерью есаула Черноморского казачьего войска. Став вдовой в 31 год, она отправилась в российские монастыри на послушание. В 1833 г. поступив в Ладанский Покровский женский монастырь, где 27 января 1841 г. была пострижена в монашество. За ревностное служение и исполнение возложенных на неё обязанностей была определена благочинной [4, л. 24].

Занимаясь сбором средств, она встречалась в г. Екатеринодаре с занимающим должность наказного атамана Черноморского войска, генерал-майором Г.А. Рашпилем, который выразил сожаление об отсутствии в крае своего женского монастыря. Принимая во внимание количество собираемых её средств в регионе Митрофания высказалась о том, что обитель можно было устроить на одни частные пожертвования. Большой проблемой ей казалось получить разрешение властей на открытие женского монастыря в епархии при наличии двух действующих мужских обителей [40, с. 649–652].

После этого разговора с 1846 г. Г. А. Рашпиль начал длительную переписку с войсковым руководством об учреждении в Войске женской монашеской обители для войсковых обывательниц. Помимо воспитания народного усердие к религии, при отсутствии в войске женских учебных заведений, монастырь, как и мужской Николаевский в свое время, мог бы стать местом воспитания женского иночества [1, л. 1–2 об.].

При этом предлагалось назвать пустынь во имя Равноапостольной Марии-Магдалины, которое было особо почитаемо в Черноморском Войске. Пустыни предполагалось выделить участок войсковой земли на р. Керпилах между станицами Тимашевской и Роговской, где раньше был войсковой конный завод. Строительство всех зданий монастыря должно было производиться исключительно за счет частных добровольных пожертвований и приношений. Содержание обители представлялось за счет собственных доходов, церковной службы, ведения подсобного хозяйства и рукоделия. За счет средств Войска осуществлялось содержание штата монастыря. Кроме установленных окладов из сумм войска не предполагалось больше никаких выплат.

Для охраны и хозяйственных работ ежегодно Войско брало в обязанность выделять по 8 казаков внутренней службы. Монастырю предо-

ставлялось право добычи на собственные нужды до 300 пудов соли своими силами на войсковых соляных озерах. Единственное выдвигаемое условие со стороны Войска к Епархиальному начальству заключалось в том, чтобы в штат сестер пустыни поступали исключительно одни урожденные Черноморки. Проектом допускалось исключение для выходцев из других сословий, но только в случаях крайнего недостатка в монашесствующих из среды первых [1, л. 3–7].

Согласно действующим законодательным нормам, учреждение новых обителей допускалось в епархии, только если штат обители будет перенесен из какой-либо закрытой во внутренней губернии. На тот момент таких монастырей не было, поэтому решение этого вопроса откладывалось на неопределенное время. Епископ Кавказский и Черноморский Иеремия (Соловьев) в переписке с Синодом обратил внимание на закрытый в конце XIX века в г. Моздоке женский монастырь. Учреждаемая обитель, по его мнению, способствовала решению проблемы образования девушек региона при незначительных приспособлениях [1, л.16–16 об.]. Несомненно, данное условие епископа шло в разрез с изначальной программой учреждения при монастыре пансиона для образования девушек из войскового сословия.

11 декабря 1848 года император Николай I разрешил учреждение в Черномории женской пустыни во имя Св. Марии Магдалины [40, с.653]. По согласованию с инокинями монастыря Войсковому сословию предоставлялось первоочередное право отдачи своих детей на воспитание в обитель. Особо отмечалось, что во всех вопросах обитель состоит в непосредственном руководстве духовных властей епархии на общих правилах [25]. Войско не брало на себя обязательств по возведению зданий обители и ризницы, на эти нужды обращались исключительно кошельковые средства, собранные пожертвования и свечная прибыль [17, л. 5–5 об.].

Большое значение в организации монастыря зависело от лица, которое способно было к осуществлению намеченных планов. Настоятельница Ладанского монастыря игуменья Мария характеризовала монахиню Митрофанию следующим образом: «духовная дочь моя, которая жила долгое время в обители монашеским житием и отлично-ревностном послушании на пользу обители, и в ней заслужила звание благочинной монастыря <...> по старости лет готовила её на свое место» [3, л. 113–113 об.]. По ходатайству епископа Иеремии монахиня Митрофания была переведена в Черноморское войско настоятельницей к учреждаемой Марии-Магдалинской женской пустыни [4, л. 24]. По её прошению, для устройства обители, в землю Черноморских казаков перевели семь сестер из Полтавского Ладанского женского монастыря. Через несколько лет к ним присоединились

еще две монахини – Калисфена и Олимпиада, одна из которых станет следующей настоятельницей учрежденной обители [9, л. 49].

Исходя из больших рисков строительства обители в чистом поле, командующий войсками Кавказской линии и Черномории Н.С. Завадовский, распорядился одновременно из войскового капитала передать учреждаемой обители на 20 лет в кредитный банк 20 тыс. рублей серебром. Начисляемые проценты переводить на счет монастыря, что составляло ежегодно около 800 рублей [17, л. 5–5 об.]. По недоукомплектованности штата первые годы оставшаяся часть средств переводилась настоятельницей в процентный капитал [17, л. 19], за счет которого она планировала начать строительство капитальных строений.

При проведении межевых работ возникла большая разница в исчислении отводимой земли. По ходатайству Г. А. Рашпиля и согласию войскового руководства, 12 августа 1850 г. император закрепил за монастырем весь земельный надел по р. Киприли в 522 десятины 315 сажений [23]. Молитвословие совершалось в небольшом доме св. В. Мирошниченко и диаконом Н. Лозою [20, с. 230]. Консисторией каждый год выдавалось две книги для сбора пожертвований на устройство обители по внутренним губерниям Российской империи [9, л. 10, 37, 43]. На постройку каменного храма во имя равноапостольной Марии Магдалины средства собирались по Кавказской и Новочеркасской епархиям [9, л. 55]. Разными благодетелями, в числе которых были не только гражданские лица, а большей частью казачество низших и верхних чинов, вносились различные размеры пожертвований. В период с 1849 по 1850 гг. в распоряжение обители поступило от разных лиц около 9100,4 руб. серебром [2].

Близко знакомые с игуменьей Митрофанией генерал Г. А. Рашпиль и его супруга постоянно оказывали различную помощь в обустройстве монастыря. Помимо рассылки подписных листов о пожертвовании по воинским частям и сбора необходимого строительного материала [3, л. 242–242об., 332, 379], за свой счет они приобрели необходимый церковную литературу для организации церковных служб [3, л. 114–115].

В 1849 г. в день Святителя и Чудотворца Дмитрия Ростовского состоялась торжественная закладка будущего храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Уже через год состоялось освящение возведенного деревянного храма на кирпичном фундаменте [3, л. 160]. К осени 1851 г. на территории обители был выстроен деревянный флигель на кирпичном фундаменте на 7 комнат для помещения настоятельницы. Также были построены два корпуса-келии, первый на 11 и второй на 8 комнат для помещения монашествующих сестер [3, л. 53, 61].

О популярности в народе устраиваемой обители можно судить по тому, что игуменья Митрофания особым рапортом весной 1851 г. просила разрешения у епископа Иоанникия устроить отдельную гостиницу для «благочестивых посетителей», которых с каждым годом становилось все больше [9, л. 12]. В своих отчетах о состоянии епархии Синоду преосвященный писал, что Черноморская Марие-Магдалновская пустынь «возрастает с успехом при заботливости настоятельницы и усердии войсковых жителей, за счет которых возникла эта обитель и обеспечена в средствах» [5, л. 7 об.]. Однако, ускорение строительства капитальных сооружений и приведение монастыря в надлежащий вид требовало больших средств и времени.

Несмотря на это в 1861 г. было закончено строительство второго храма обители, который освятили в честь небесной покровительницы монастыря – Святой Равноапостольной Марии Магдалины. К нему был пристроен настоятельский корпус. Преисполненная духовным рвением и успехами в строительстве игуменья Митрофания в 1867 г. ходатайствовала о разрешении постройки храма в честь Нерукотворенного Образа, но ходатайство было отклонено из-за недостатка средств. Однако это не остановило игуменью в последующем начать работы по строительству трехпрестольного Вознесенского собора с пределами в честь святого Божьего Архистратига Михаила и святого Димитрия Ростовского. Данное ходатайство также не нашло поддержки епархиального руководства в 1865 г. [28, с. 560].

Настоящим событием в жизни обители можно считать 1865–1866 гг., когда в Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни были пострижены в монахини 6 первых рясофорных послушниц и принято в послушание более десятка женщин. В большинстве своем все подвизавшиеся к послушанию были выходцами из крестьянского сословия, что было свидетельством меньшей популярности иночества среди казачек и шло в разрез с планами Войскового руководства [9, л. 115–117].

Не имея средств к учреждению училища в монастыре настоятельницей была организована работа по воспитанию девушек в православной традиции. Согласно данным Войскового правления на 1862 г. в обители на воспитании находилось 40 девиц, а общая численность всех насельниц достигла 200 девушек и женщин [9, л. 106–106 об.]. В обители были организованы фактически все виды женских рукоделий, которым учили параллельно с духовно-нравственным просвещением послушниц.

В своем рапорте руководству в 1861 г. командующий войсками граф Н. И. Евдокимов отмечал полезность Марие-Магдалиновского женского монастыря в Черномории в воспитании девушек: «Дает скромное образование девицам для про-

стого домашнего быта, и монастырь пользуется в народе большой популярностью». В связи с этим им поднимался вопрос, что, если большое число девушек, проживающие и воспитывающиеся в обители, с ранних лет будут навсегда отказываться от светской жизни. Тогда вместо блага для казачьего народонаселения: «<...> данная обитель будет лишать его лучших женщин, которые без пользы для общества проведут в ней всю свою жизнь, вначале воспитанницами, а потом и монахинями». Для обучения девушек войскового казачества было принято решение учредить в Кубанском казачьем войске станичные женские школы, по примеру Донского войска. До учреждения в войске станичных женских школ Кавказский комитет разрешил отдавать в монастырь на воспитание девушек, но при условии, что по достижению ими 16 лет родителям и родственникам нужно было их забирать домой [1, л. 102–108 об.].

Игуменья Митрофана умерла в ночь с 11 на 12 марта 1869 г. на 74 году жизни. Покойная не впадала в предсмертную агонию до самого последнего издыхания, никак не хотела допускать до себя той мысли, что не только дни, но и часы её окончательно сочтены, она чрезмерно оскорблялась напоминанием ей об этом. Одежды и вещей в её келье оказалось мало, кроме лоскутов и обрезов разных материй, вещи большей частью изношены, они, как и разные бумаги, были сложены в спальном комнате [6, л. 1–1 об.]. До решения епископа о назначении новой настоятельницы было вынесено распоряжение управлять обителью четырьмя монахинями совместно. За период своего служения в должности игуменья Митрофания неоднократно получала заслуженные благодарности от епархиального начальства. Помимо этого, ей была объявлена благодарность за усердную службу Синодом, и она была награждена наперсным золотым крестом [4, л. 24].

Ко времени смерти первой настоятельницы монастырь имел в распоряжении 8 тыс. рублей сбережений. В числе хозяйства монастыря числилось около 70 голов рогатого скота и 14 пар волов, более 200 голов мелко рогатого скота. На кирпичном монастырском заводе шел процесс изготовления кирпича для начатого строительства нового кирпичного корпуса келий длиной в 67, а шириной в 12,25 аршин, при этом все необходимое дерево для работ было уже подготовлено. В монастырском хозяйстве было две ветряные мельницы, одна машинная, а вторая простая ветряная. Помимо этого, монастырю принадлежал один дом в Екатеринодаре и один ст. Новониколаевской [6, л. 44–45 об.].

Благоустроенная Черноморская Марие-Магдалинская женская обитель радовала глаз посетителей и обывателей, в которой более ста лиц женского пола, разных состояний и званий, находили для себя приют. Новой настоятельницей обители

была избрана на общем собрании сестрами монастыря с перевесом в 1 голос монахиня Олимпиада, бывшая при игуменье Митрофании благочинной. Она происходила из дворян Кубанского казачьего войска, в 1839 г. была принята в число послушниц в Ладанского Покровского женского монастыря, а в 1845 г. пострижена в рясофор, и уже через год пострижена в монашество. 17 июня 1852 г. на основании обращения епископа Кавказского и Черноморского была переведена в число сестер данного монастыря и утверждена в должности благочинной [4, л. 4–5].

На территории монастыря действовали две церкви. Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы была построена из дерева на кирпичном фундаменте с одним куполом, длиною от горного места до западных дверей 20,75 аршина, высотой от пола до купола 14 аршин. Разрешение на её строительство было выдано епископом Иеремией 30 июля 1849 г. Эта церковь была построена как временная на пожертвования, внесенными Черноморскими казаками, и оценивалась в 500 руб. серебром. Другая, домовая церковь, во имя святой Равноапостольной Марии Магдалины была сделана из жженого кирпича в 1855 г. на собственные средства генерал-лейтенанта Г. А. Рашпиля. Длина церкви составляла 25,25 аршин, ширина 10 и высота 5 аршин соответственно [8, л. 1–3].

Одной из наиболее почитаемых икон Покровской церкви была икона Пресвятой Богородицы Ладанской, которая была принесена при основании обители из Ладанского монастыря Полтавской губернии. Риза сооружена в 1856 г. усердием покойной игуменьи Митрофании. Остальные иконы были пожертвованы монастырю разными лицами и в разное время. Среди них встречаются монахини и послушницы обители, иконы работы сестер монастыря. Часто употребляется неизвестные благодетели, из разных территорий империи, с Афонской горы Русского Пантелеймонова монастыря. Среди икон иконостаса Марие-Магдалиновской церкви нужно отметить располагавшуюся с правой стороны от царских врат местную икону Спасителя в серебряной ризе, с таким же позолоченным венцом. Поскольку она была изготовлена за счет постоянного благодетеля обители войскового старшины Г. Холяво в 1860 г. [8, л. 29–31 об.].

При церкви была установлена временная колокольня из жженого кирпича. В ней было установлено 6 колоколов разных размеров, среди которых самым большим был колокол весом в 81 пуд 30 фунтов, ценой в 1476 руб. серебром пожертвованный в 1858 г. казачкой ст. Екатериновской М. Сосновой [8, л. 52].

Теснота храмов монастыря не позволяла принимать всех желающих на церковные службы, поэтому основной заботой игуменьи Олимпиады

стал вопрос о возведении соборного храма, который бы соответствовал статусу обители в регионе. Нужно отметить, что этот вопрос поднимался и её предшественницей, но из-за ограниченности средств и доходов обители решение этого вопроса было отложено. Только 31 августа 1873 г. епископом Германом была выдана грамота на строительство каменного соборного храма в честь и память Вознесения Господня, позволяющему одновременно вмещать более 800 богомольцев. Епископ, на обращение сестер для сбора средств в столицах империи, ответил строгим запретом, поскольку не имел права разрешения на подобные мероприятия, но не ограничивал их в обращении за помощью к населению Северного Кавказа и Кубани [29, с. 586].

Начатое строительство в 1874 г. было полностью закончено в начале следующего десятилетия. При храме было устроено два придела: правый – во имя Архистратига Михаила и прочих честных сил бесплотных, и левый – во имя святителя Димитрия Митрополита Ростовского. Все здание было сделано из жженого кирпича, на таком же фундаменте. Длина храма от горного места до западных дверей составляла 47,5 аршин, а до западных дверей колокольни 57 аршин. Ширина храма, от южных дверей до северных 31,25 аршина, а высота от пола до центрального купола, одного из пяти, составляла 60 аршин [10, л. 2–3 об.].

Среди икон, находящихся в разных местах храма и ставшими украшением собора, можно отметить пожертвованные в годы строительства с 1876 по 1881 гг. следующими лицами: монахиней Агнией, женой купца ст. Тимошевской Е. Стояновой, казаком И.П. Бондиным, казаком ст. Дмитриевской Т. Дихтяревым, казаками служащими в гвардии императора ст. Тимашевской, казаками ст. Роговской, и написанных в стенах обители самими монахинями. При соборе была возведена колокольня из такого же кирпича, на которой, среди прочих, был установлен колокол весом в 208 пудов, приобретенный настоятельницей обители при помощи собранных средств по территории Черноморского края [10, л. 20–29 об.].

Накануне мобилизации войск русско-турецкой кампании 1877–1878 гг. Синод обратился в Кавказскую епархию с предложением создания отдельных отрядов из послушников и послушниц обителей для ухода за больными и ранеными в предстоящих сражениях. Из Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни, по собственному желанию, были подготовлены и направлены в лазареты 6 послушниц при монахине Рафаиле. Остальные сестры обители приступили к изготовлению санитарных принадлежностей [18, с. 154].

Военно-временные госпитали, в которых служили сестры милосердия, располагались вблизи линии боевых действий. Они несли службу

не только в полевых лазаретах, но и оказывали помощь в стационарных медицинских учреждениях. После нескольких месяцев самоотверженной службы послушница Черноморской пустыни И. Милорадова заболела тифом и 9 декабря 1877 г. скончалась в военно-временном Александропольском госпитале [21, с. 80]. Остальные сестры вернулись в обитель только через несколько месяцев после заключения мира [24, с. 780–782]. Указом Синода от 2 марта 1879 г., по представлению преосвященного Германа, свидетельствам военно-медицинского руководства и общества Красного Креста, сестрам, за самоотверженное и полезное служение их больным воинам, было выражено благословение Святейшего Синода [37, с. 243]. Некоторые из них в дальнейшем приняли постриг и посвятили остаток жизни христианскому подвигу в стенах обители.

Известность монастыря простиралась за пределы региона, и среди его насельниц к концу века все больше встречалось послушниц из других губерний России. Высокое признание подтверждает тот факт, что в 1876 г. к Кавказскому епископу обратился прокурор Санкт-Петербургского окружного суда по вопросу помещения бывшей настоятельницы Московской епархиальной общины сестер милосердия и Серпуховского Владычного монастыря лишенной сана игуменьи Митрофании (Просковьи Розен). Которая по решению суда за составление фиктивных векселей была лишена все знаков отличия и всех прав личного состояния, и приговорена к содержанию на три с половиной года в одном из губернских монастырей [8, л. 25].

Указом Синода 1 апреля 1878 г. Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни игуменья Олимпиада за заслуги по духовному ведомству была удостоена благословения Синода [30, с. 272]. 20 апреля 1880 г. она, как и её предшественница игуменья Митрофания, была удостоена наперсным крестом. Игуменьей, за период её служения, были составлены подробные чертежи жилых корпусов, существующих в обители, и пояснительная записка к ним с точными и подробными сведениями о их постройке. За данную проделанную работу 31 декабря 1878 г. Кавказский Герман отметил: «Игумении Олимпиаде выразить мою благодарность за точное выполнение моего приказанья и обстоятельность доставленных ей по моему требованию сведений» [31, с. 45].

Как было отмечено в официальной прессе: «27 января 1891 г. от старческой немощи умерла настоятельница Черноморской Марие-Магдалинской женской Пустыни игуменья Олимпиада» [22, с. 48]. За период управления монастырем она смогла увеличить оборотные средства монастыря, которые составили около 100 тыс. рублей [12, л. 41–49], что позволило не только закончить строительство соборного храма, но принять участие во многих проектах епархиального и всероссийского значения.

После проведения выборов на утверждение епископу была представлена избранная единоголосно сестрами обители на должность настоятельницы монахиня этого же монастыря Мариамна. 28 июня 1891 г., по представлению архипастыря Евгения, Синодом она была возведена в сан игуменьи [27, с. 195]. Монахиня Мариамна происходила из крестьян Ставропольской губернии, и это был единственный случай в истории обители, когда настоятельницей пустыни стала представительница не войскового сословия. В 1859 г. она поступила в число послушниц монастыря, и 2 ноября 1875 г. пострижена в мантейные монахини. За период пребывания в обители исполняла должность казначеи, но по болезни была определена за штат [11, л. 4].

Делая акцент на духовно-нравственном воспитании и обучении рукоделию поступающих в монастырь девушек, настоятельницы обители не открывали начальной школы для детей, решая проблему обучения основам грамоты без организации школы. При посещении монастыря епископ Агафадор обратил на это внимание и предложил игуменье устроить отдельное помещение для школы. Это замечание им было сделано исходя из того, что на тот момент в монастыре находилось более 50 девочек школьного возраста, которые были родственниками насельниц, а некоторые были привезены родителями для воспитания и обучения. Им было предложено устроить школьное здание так, чтобы в нем было место и для мастерских обители – иконостасной, золотойшейной, ковровой. Все вопросы организации образовательного процесса он предлагал поручить вдове войскового старшины А. И. Холявко, находящейся в числе послушниц, которая была выпускницей Мариинской Екатериновской гимназии. Исходя из этого оставалось только подыскать подходящее помещение и выписать учебники и учебные пособия. В том же году в монастыре начала работу женская школа грамотности для девочек в квартире учительницы, вдовы войскового старшины Холявко [34, с. 454]. С большим усердием работая в ней бесплатно учительницей она из своих собственных средств платила жалование в размере 300 руб. в год своей помощнице по школе [33, с. 130]. В 1896 г. на её место учительницы в обитель была принята послушница монастыря Ольга Бартельс, которая была выпускницей женской гимназии [36, с. 1357].

По рекомендации преосвященного библиотеки обители была пополнена книгами религиозно-нравственного содержания и была организована читальня. Для неграмотных и престарелых стариц были организованы чтения в помещении читальни. Труд чтений был возложен по желанию или по решению настоятельницы поочередно из послушания на лучших в чтении сестер обители [38, с. 786–800].

В конце XIX века в обществе шел процесс обсуждения участия общества в судьбе детей, совершивших преступления различной степени тяжести. Многие положения законодательства империи в вопросе уголовной ответственности несовершеннолетних были пересмотрены. Согласно новым положениям закона о малолетних, последние за совершение ими преступления не подвергались уголовному наказанию и передавались на исправление родственникам и знакомым, или ответственным поручителям, или помещались в особые исправительные приюты, а при отсутствии их в монастыри. Когда к епископу Агафодору в 1898 г. обратился председатель правления Кубанского исправительного приюта А. Д. Бигдаев о возможном участии монастырей в данном проекте, то преосвященный не колеблясь поддержал данное начинание. В монастырях призреваемые должны были обучаться грамоте в монастырских школах и различным ремеслам, какие уже были развиты в монастырях и какие еще предполагалось организовать по соглашению с Правлением приюта [15, л. 1–2].

С епархиальными властями было достигнуто предварительное соглашение об открытии приютов для малолетних преступников и сиротского дома при Екатерино-Лебяжской Николаевской и женской Марие-Магдалиновской обителях в Кубанской области. Приюты были открыты в сентябре 1898 г., при первом отделении исправительного приюта для 20 мальчиков и при второй для 25 девочек. Когда в 1899 г. министр юстиции докладывал императору о содействии руководства епархии в открытии при Кубанских монастырях исправительных приютов для несовершеннолетних и призрения бесприютных детей в Кубанской области, то император выразил епархиальному руководству и монастырям монаршее одобрение [15, л. 33].

По соглашению Правления и Марие-Магдалинского монастыря от 23 сентября 1898 г. исправительный приют для девочек действовал на условиях размещения в обители 25 девочек, с увеличением числа их в будущем по мере необходимости. В приют принимались исключительно по определению Правления приюта. Надзор за ними вверялся сестрам, назначенным настоятельницей, но правлению предоставлено было право назначать особую директрису, с правами и обязанностями, указанными в уставе. Определенные в приют девочки получали от монастыря одежду, однообразную для всех формы и обувь, постельные принадлежности, постели, а также пищу на все время нахождения их в приюте, не менее 3-х раз в сутки. Монастырь обязывался всех принятых им от правления девочек обучать в монастырской школе грамоте, а также всем тем ремеслам, которые имелись в монастыре. За каждую принятую на воспитание девочку монастырь получал от правления по 40 руб. в год.

Дети преступники по возможности отделялись от детей сирот и объединялись в особые группы под надзор особых воспитателей [15, л. 54–54об.].

Дети обязательно должны были обучаться в местных церковно-приходских школах, для которых обителями были отведены приличные здания и приглашены правоспособные учитель и учительница с платой по 300 руб. в год. На них же правление приюта возлагала заведывание отделениями приюта. Как в школах, так и в приютах было установлено единство в учебно-воспитательном процессе. Приют в Марие-Магдалиновском монастыре устроили в недавно выстроенном доме, располагающемся в центральной части монастыря [15, л. 53–53 об.].

Данное начинание, сделанное Кубанскими монастырями, как организация детских приютов и сиротских домов, должны были способствовать и культивировать в жизни общества начала высшего нравственного порядка. Это работа велась монастырем на фоне изоляции монастырей центральной России от мира в своих стенах. Их внимание сосредотачивается на молитвенном подвиге, не выходя за пределы чисто монастырских интересов, что вело к отдалению их от светского мира. Выбранное направление деятельности требовало большого внимания и самопожертвования, вложения больших средств.

Игуменье Мариамне пришлось побывать обвиняемой по ложному доносу поручика А. Михайлова в Синод о пьянстве, разврате, злоупотреблениях и беспорядках, царивших в Марие-Магдалинской женской пустыне. В 1894 г. возвращаясь из Афона он посетил данный известный на Северном Кавказе монастырь, но поселенный на равных условиях с другими богомольцами и расстроенный отсутствием внимания к своей персоне составил данный донос. Согласно представленным им данным «только наглядно в пустыни совершаются обряды и под маской черных ряс топчется святыня. В данную обитель стекаются изгнанные послушники из других женских монастырей. Поселяясь в гостиницу, они становятся самоуправными, для них двери всех келий раскрыты, а под гостеприимством скрывается царящий разврат». Благочинный архимандрит Мартирий пользуется «благами» данной обители, в виде различных подношений [13, л. 2–3].

На защиту обители во время проводимого епархиальными властями следствия встали все её жители, начиная от послушниц и трудников, до членов церковного монастырского клира. После проверки присланных материалов проведенного следствия епископ Агафодор распорядился производство по данному делу прекратить. Производивший следствие благочинный священник Остатов считал, что в монастырской обители «бывали такие посетители, которые подлежат непосредственному ведению полиции». По сделанным

выводам было принято решение учредить при монастыре должность урядника. Поскольку монастырь находился в достаточном отдалении от населенных мест, что делало его уязвимым для грабежа и разбоя, что было, по мнению следователя, актуально при прогрессе зла в то время, и стремлению народа к легкой наживе [13, л. 5–8].

Подорвав и без того слабое здоровье, игуменья Мариамна подала прошение об оставлении занимаемой должности, согласно которому 10 февраля 1909 г. она была уволена от должности настоятельницы, а на её место утверждена избранная сестрами обители монахиня монастыря Прискилла [26, с. 233–234]. Родом новая настоятельница была из казачек Кубанской области, получила хорошее домашнее образование. Поступила в обитель в 1873 г. и только через 30 лет была пострижена в монашество. За этот период она проходила различные послушания, от звонарки и сбора пожертвований до пономарского при монастырском храме [16, л.2]. Из-за начавшихся разбирательств в пустыни среди насельниц относительно пребывания в основанной казачьими властями обители иногородних, и как следствие разбор анонимных жалоб, заваливших Синод, она была возведена в сан игуменья Агафодором только 29 января 1912 г. [19, с.164]. Несмотря на ряд принятых ею спорных решений и жестких действий, к 1915 г. в обители официально находилось 506 насельниц из разных регионов России [16, л.83].

В этот период, следуя традиции сплочением с обществом в преодолении вызовов времени, с 28 февраля по 11 марта 1911 г., впервые в истории Ставропольской (Кавказской) епархии, при Марие-Магдалинской женской пустыни Кубанской области уездным миссионером священником Н. Розановым были проведены миссионерские против сектантские курсы для насельниц обителей, священнослужителей региона и всех глубоко верующих людей [35, с. 435–449]. Монастырь открыл двери для всех желающих мирян и священнослужителей области, в рамках возможности их расселения. На курсах была рассмотрена масса религиозно-нравственных вопросов в свете учения церкви. Поднимаемые вопросы на проходимых уроках дали возможность многим расширить свои знания. Положенное начало и отработанный формат проведения занятий в дальнейшем был расширен на все монастыри епархии [39, с. 479–483].

Высокая репутация пустыни распространилась далеко за пределами региона, что привело к притоку в обитель, желавших в ней поселиться. Несомненно, это потребовало пересмотра сложившейся программы организации образовательного процесса. При школе Марие-Магдалинского Кубанского исправительного приюта было открыто общежитие для обучающихся девочек, и на 1912 г. в этом общежитии содержалось уже 32

девочки. Жизнь этих детей проходила, главным образом, в освоении школьной программы, в занятиях рукоделием и домашним хозяйством при монастыре [32, с.57].

Революционные события 1917 г. и последующая смена власти в России негативно сказались на истории монастыря. Пережив разграбление и разорение обители его насельницы пытались найти себя в новых условиях организовав женскую коммуны, но это не спасло их от чрезмерной жестокости новой власти относительно религиозных учреждений и институтов религии, самих монахинь и послушниц, а также настоятельниц обители.

Сохраненная открытость для всех сословий и возрастов Марие-Магдалинская пустынь смягчала своей деятельностью вызовы времени, в чем заключалась немалая заслуга настоятельниц монастыря. Социальная ориентация реализуемой политики управления, при хорошо развитой системе монастырского хозяйства, позволяла добиваться существенных успехов на данном поприще. При отсутствии в регионе женских образовательных учреждений в период своего становления, пустынь открывала двери всем желающим

девушкам к получению первичных навыков рукоделия и давала возможность обучиться основам российской грамоте. Учитывая дефицит государственных социальных учреждений для женщин и девушек, потребности общества и населения Северного Кавказа, настоятельницами была открыта церковно-приходская и начальная школы, детский приют и сиротский дом, организован уход за больными и престарелыми вдовами, проведены миссионерские курсы и много другое, о чем еще предстоит написать исследователям обители. Противостоя вызовам времени монастырь способствовал сплоченности общества, сплоченного взаимодействия его институтов.

В начале 1918 г. обитель была закрыта местными властями, а имущество национализировано. На территории монастыря была организована коммуна «Всемирная дружба», которая объединила оставшихся насельниц в артель, возглавляемую Евгенией Сапко и Екатериной Рудь. В последующем все земли были национализированы, а обитель разорена, сестры, преследуемые за свои убеждения, поселились в окрестных станицах и хуторах.

Источники и литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 318. Оп. Д.313.
2. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1911.
3. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.2869.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.135. Оп. 16. Д.2.
5. ГАСК. Ф.135. Оп.16. Д.80.
6. ГАСК. Ф.135. Оп.27. Д.556.
7. ГАСК. Ф.135. оп.34. Д.493.
8. ГАСК. Ф.135. Оп.34. Д.595.
9. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.212.
10. ГАСК. Ф.135. Оп.48. Д.501.
11. ГАСК. Ф.135. оп.49. Д.252.
12. ГАСК. Ф.135. Оп.51. Д. 291.
13. ГАСК. Ф.135. Оп.52. Д.510.
14. ГАСК. Ф.135. Оп.56. Д.653.
15. ГАСК. Ф.135. Оп.56. Д.653.
16. ГАСК. Ф.135. Оп.73. Д.854.
17. ГАСК. Ф.135. Оп.8. Д.268.
18. Известия. Готовность монахинь Кавказской епархии к Поступлению в отряды сестер милосердия и изготовлению санитарных материалов // Кавказские епархиальные ведомости. №5 от 1 марта 1877. С. 154.
19. Известия: Архиерейская служения // Ставропольские епархиальные ведомости. №6 от 5 февраля 1912. С.164.
20. Кияшко И.И. Черноморская Марие-Магдалинская женская монашеская общественная пустынь // Кубанский сборник. Т.15. 1910. С. 230.
21. Некролог // Кавказские епархиальные ведомости. №3 от 1 февраля 1878. С. 80.
22. Некролог // Ставропольские епархиальные ведомости. №3 от 1 февраля 1891. С. 48.
23. О приобретении на счет станичных сумм училищных потребностей для станичных школ Оренбургского казачьего войска (12 августа 1850 г.) // Полное собрание законов Российской империи (1825–1881). Т.25: Ч.1. №24402.
24. О службе сестер ЧММЖП и иеромонахов Кизлярского монастыря по уходу за больными и ранеными воинами // Кавказские епархиальные ведомости. №21 от 1 ноября 1878. С.780-782.
25. О учреждении в Черноморском казачьем войске женской обители во имя Святой Марины Магдалины (11 декабря 1848 г.) // Полное собрание законов Российской империи (1825–1881). Т.23. №22812.
26. Определения св. Правительствующего Синода // Ставропольские епархиальные ведомости. №8 от 21 февраля 1909. С. 233–234.
27. Определения Святейшего Синода // Ставропольские епархиальные ведомости. №14 от 16 июля 1891. С.195.
28. Отдел официальный. Распоряжения Епархиального начальства // Кавказские епархиальные ведомости. № 17 от 1 сентября 1873. С. 560.
29. Отдел официальный. Распоряжения Епархиального начальства // Кавказские епархиальные ведомости. № 18 от 16 сентября 1873. С. 586.

30. Отдел официальный. Распоряжения Епархиального начальства // Кавказские епархиальные ведомости. № 8 от 15 апреля 1878. С. 272.
31. Отдел официальный. Распоряжения Епархиального начальства // Кавказские епархиальные ведомости. № 2 от 1 января 1878. С. 45.
32. Отчет епархиального наблюдателя о состоянии в учебно-воспитательном отношении церковно-приходских школ Ставропольской епархии за 1910-1911 учебный год // Ставропольские епархиальные ведомости. №39 от 23 сентября 1912. С. 57.
33. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Ставропольской епархии за 1894–1895 учебный год // Ставропольские епархиальные ведомости. №3 от 1 февраля 1896. С. 130.
34. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Ставропольской епархии за 1893–1894 учебный год // Ставропольские епархиальные ведомости. №8 от 16 апреля 1895. С. 454.
35. Первые миссионерские противосектантские курсы в Марие-Магдалинском женском монастыре Ставропольской епархии // Ставропольские епархиальные ведомости. №14 от 2 апреля 1911. С. 435–449.
36. По журнальному определению Епархиального училищного совета от 1-го ноября за № 38, утвержденному резолюцией Его Преосвященства от 25 ноября за № 8729 // Ставропольские епархиальные ведомости. №23 от 1 декабря 1896. С. 1357.
37. Преподание благословения Святейшего Синода // Кавказские епархиальные ведомости. №7 от 31 марта 1879. С. 243.
38. Путешествие преосвященного Агафадора для обозрения церквей епархии // Ставропольские епархиальные ведомости. №24 от 16 декабря 1893. С. 786–800.
39. Св. Григорий Твердохлебов Впечатления от миссионерских курсов, бывших в Марие-Магдалинском монастыре в 1911 году // Ставропольские епархиальные ведомости. №15 от 9 апреля 1911. С. 479–483.
40. Св. Филипп Николайченко Очерк Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни // Кавказские епархиальные ведомости. №20 от 16 октября. 1874. С. 649–652.

References

1. State archive of Krasnodar territory (GAKK). F. 318. Inv. D.313. (In Russian).
2. GAKK. F.249. Inv.1. D.1911. (In Russian).
3. GAKK. F.249. Inv.1. D.2869. (In Russian).
4. State archive of Stavropol territory (GASK). F.135. Op. 16. D.2. (In Russian).
5. GASK. F.135. Inv.16. D.80. (In Russian).
6. GASK. F.135. Inv. 27. D.556. (In Russian).
7. GASK. F.135. Inv. 34. D.493. (In Russian).
8. GASK. F.135. Inv. 34. D.595. (In Russian).
9. GASK. F.135. Inv. 4. D.212. (In Russian).
10. GASK. F.135. Inv. 48. D.501. (In Russian).
11. GASK. F.135. Inv. 49. D.252. (In Russian).
12. GASK. F.135. Inv. 51. D. 291. (In Russian).
13. GASK. F.135. Inv. 52. D.510. (In Russian).
14. GASK. F.135. Inv. 56. D.653. (In Russian).
15. GASK. F.135. Inv. 56. D.653. (In Russian).
16. GASK. F.135. Inv. 73. D.854. (In Russian).
17. GASK. F.135. Inv. 8. D.268. (In Russian).
18. Izvestija. Gotovnost' monahin' Kavkazskoj eparhii k Postupleniju v otrjady serdobol'nyh sester i izgotovleniju sanitarnyh materialov (News. The readiness of the nuns of the Caucasian diocese to enter the detachments of compassionate sisters and the production of sanitary materials) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1877. No. 5. P.154. (In Russian).
19. Izvestija: Arhierijskija sluzhenija (Izvestiya: Hierarchal ministries) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1912. No. 6. P. 164. (In Russian).
20. Kijashko I. I. Chernomorskaja Marie-Magdalinskaja zhenskaja monasheskaja obshhestvennaja pustyn' (Black Sea Mary Magdalene Women's Monastic Community Hermitage) // Kubanskij sbornik. 1910. Vol.15. P.230. (In Russian).
21. Nekrolog (Obituary) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1878. No.3. P.80. (In Russian).
22. Nekrolog (Obituary) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1891. No.3. P.48. (In Russian).
23. O priobretanii na schet stanichnyh summ uchilishhnyh potrebnostej dlja stanichnyh shkol Orenburgskogo kazach'ego vojska (12 avgusta 1850 g.) (On the acquisition of school needs for the village schools of the Orenburg Cossack army at the expense of the village sums (August 12, 1850) // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (1825–1881). Vol.25: Plan. 1. No. 24402. (In Russian).
24. O sluzhbe sester ChMMZhP i ieromonahov Kizljarskogo monastyrya po uhodu za bol'nymi i ranenymi voynami (On the service of the sisters of the Black sea Mary-Magdaline Black sea hermit and the hieromonks of the Kizlyar Monastery in caring for the sick and wounded soldiers) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1878. No. 21. P.780-782. (In Russian).
25. O uchrezhdenii v Chernomorskom kazach'em vojske zhenskoj obiteli vo imja Svjatoj Mariny Magdaliny (11 dekabrya 1848 g.) (On the establishment of a convent in the Black Sea Cossack army in the name of St. Marina Magdalene (December 11, 1848) // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (1825–1881). Vol. 23. No. 22812. (In Russian).
26. Opredelenija sv. Pravitel'stvujushhego Sinoda (Ordinance of St. Governing Synod) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1909. No. 8. P. 233-234. (In Russian).
27. Opredelenija Svjatejshego Sinoda (Ordinance of the Holy Synod) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1891. No. 14. P. 195. (In Russian).

28. Otdel oficial'nyj. Rasporjazhenija Eparhial'nogo nachal'stva (Official department. Orders of the Diocesan authorities) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1873. No. 17. P. 560. (In Russian).
29. Otdel oficial'nyj. Rasporjazhenija Eparhial'nogo nachal'stva (Official department. Orders of the Diocesan authorities) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1873. No. 18. P. 586. (In Russian).
30. Otdel oficial'nyj. Rasporjazhenija Eparhial'nogo nachal'stva (Official department. Orders of the Diocesan authorities) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1878. No. 8. P. 272. (In Russian).
31. Otdel oficial'nyj. Rasporjazhenija Eparhial'nogo nachal'stva (Official department. Orders of the Diocesan authorities) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1878. No. 2. P. 45. (In Russian).
32. Otchet eparhial'nogo nabljudatelja o sostojanii v uchebno-vospitatel'nom otnoshenii cerkovno-prihodskih shkol Stavropol'skoj eparhii za 1910-1911 uchebnyj god (Report of the diocesan observer on the educational situation in the parochial schools of the Stavropol diocese for the 1910-1911 academic year) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1912. No. 39. P. 57. (In Russian).
33. Otchet o sostojanii cerkovno-prihodskih shkol i shkol gramoty Stavropol'skoj eparhii za 1894-1895 uchebnyj god (Report on the state of parochial schools and literacy schools of the Stavropol diocese for the 1894-1895 academic year) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1896. No. 3. P. 130. (In Russian).
34. Otchet o sostojanii cerkovno-prihodskih shkol Stavropol'skoj eparhii za 1893-1894 uchebnyj god (Report on the state of parochial schools of the Stavropol diocese for the 1893 - 1894 academic year) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1895. No. 8. P. 454. (In Russian).
35. Pervye missiionerskie protivosektantskie kursy v Marie-Magdalinskom zhenskom monastyre Stavropol'skoj eparhii (The first missionary anti-sectarian courses in the Mary Magdalene convent of the Stavropol diocese) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1911. No. 14. P. 435-449. (In Russian).
36. Po zhurnal'nomu opredeleniju Eparhial'nogo uchilishhnogo soveta ot 1-go nojabrja za № 38, utverzhdennomu rezoljuciej Ego Preosvjashhenstva ot 25 nojabrja za No. 8729 (According to the journal definition of the Diocesan School Council of November 1, No. 38, approved by the resolution of His Grace of November 25, No. 8729) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1896. No. 23. P. 1357. (In Russian).
37. Prepodanie blagoslovenija Svjatejshego Sinoda (Teaching the blessing of the Holy Synod) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1879. No. 7. P. 243. (In Russian).
38. Puteshestvie preosvjashhennogo Agafadora dlja obozrenija cerkvej eparhii (Journey of the Right Reverend Agafador to View the Churches of the Diocese) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1893. No. 24. P. 786-800. (In Russian).
39. Sv. Grigorij Tverdohlebov Vpechatlenija ot missiionerskih kursov, byvshih v Marie-Magdalinskom monastyre v 1911 godu (St. Gregory Tverdohlebov Impressions from the missionary courses that took place in the Mary Magdalene Monastery in 1911) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1911. No. 15. P. 479-483. (In Russian).
40. Sv. Filipp Nikolajchenko Oчерк Черноморской Marie-Magdalinskoj zhenskoj pustyni (St. Philip Nikolaychenko Essay on the Black Sea Mary Magdalene Women's Desert) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1874. No. 20. P. 649-652. (In Russian).

Сведения об авторах

Немашкалов Павел Григорьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики истории и обществознания, Ставропольского государственного педагогического института / paul_2@rambler.ru

Адрес: 355029, 417 А, ул. Ленина, Ставрополь, Российская Федерация.

Шебзухова Татьяна Александровна – доктор исторических наук, директор Пятигорского института (филиала) «Северо-Кавказского федерального университета» / tshebzukhova@ncfu.ru

Адрес: 357500, 56, проспект 40 лет Октября, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the authors

Nemashkalov Pavel G. – Doctor of History Science, Professor, Chair of Theory and Methods of History and Social Science, Stavropol State Pedagogical Institute / paul_2@rambler.ru

The address: 355029, 417 A, Lenin st., Stavropol, Russian Federation.

Shebzukhova Tatyana A. – Doctor of History Science, Head of Pyatigorsk Institute (branch) of the North-Caucasus Federal University / tshebzukhova@ncfu.ru

The address: 357500, 56, 40 Let Oktyabrya ave., Pyatigorsk, Russian Federation.